

Бурдулия Гурмеа
Питер, не встает

29.06.05

КУЛЬТУРА

№23 (925) РОССИЯ
общенациональная газета
23–29 июня 2005 года

19

Актер, певец и хоккеист

Тотальная эклектика царит ныне в искусстве: певцы сплошь и рядом становятся художниками, художники – литераторами, актеры – музыкантами. Песенное творчество грузинского киноактера Гуджи Бурдули – пример обнародования камерной, сугубо авторской манеры застольного пения для широкого слушателя.

Беседовал Владимир
Преображенский,
фото автора

В репертуаре члена двух киноакадемий, снявшегося более чем в полусотне фильмов, – народные русские и грузинские песни, романсы на стихи Есенина, вещи собственного сочинения, а также подаренные друзьями. Но даже известные слова и мелодии звучат в устах Гуджи, мягко говоря, непривычно. Возможно, это всегда и завораживало узкий (до недавних пор) круг его слушателей, среди которых такие не последние в мире искусства люди, как Джек Николсон, Пета Уилсон, Шон Пенн, Сергей Михалков, коллеги актера по съемочной площадке.

Слушаешь, как Гуджа своим низким, с хриплым придыханием голосом выводит-наговаривает «Ой, мороз, мороз, не морозь меня», и действительно мороз по телу проходит – то ли от удовольствия, то ли от страха, сразу и не разберешь. А когда вспоминаешь, скольких басмачей, лесных разбойников и баев сыграл этот статный горец на своем веку, «священный трепет» перед его исполнением становится более или менее понятным.

Неделю назад у Гуджи Бурдули вышел второй зафиксированный на пленке альбом, названный «Воспоминания».

— Правда ли, что сниматься в кино вас первый раз привлекло обманом?

— (Смеется.) Можно сказать и так. Мой друг Самвел Гаспаров окончил ВГИК. И вот он приехал на Одесскую киностудию, ему дали фильм. О дальнбойщике. Сюжет был такой: один уходит на пенсию, а второй, молодой, приходит на его место. И вот бывалый дальнбойщик ведет молодого в рейс, учит его рабо-

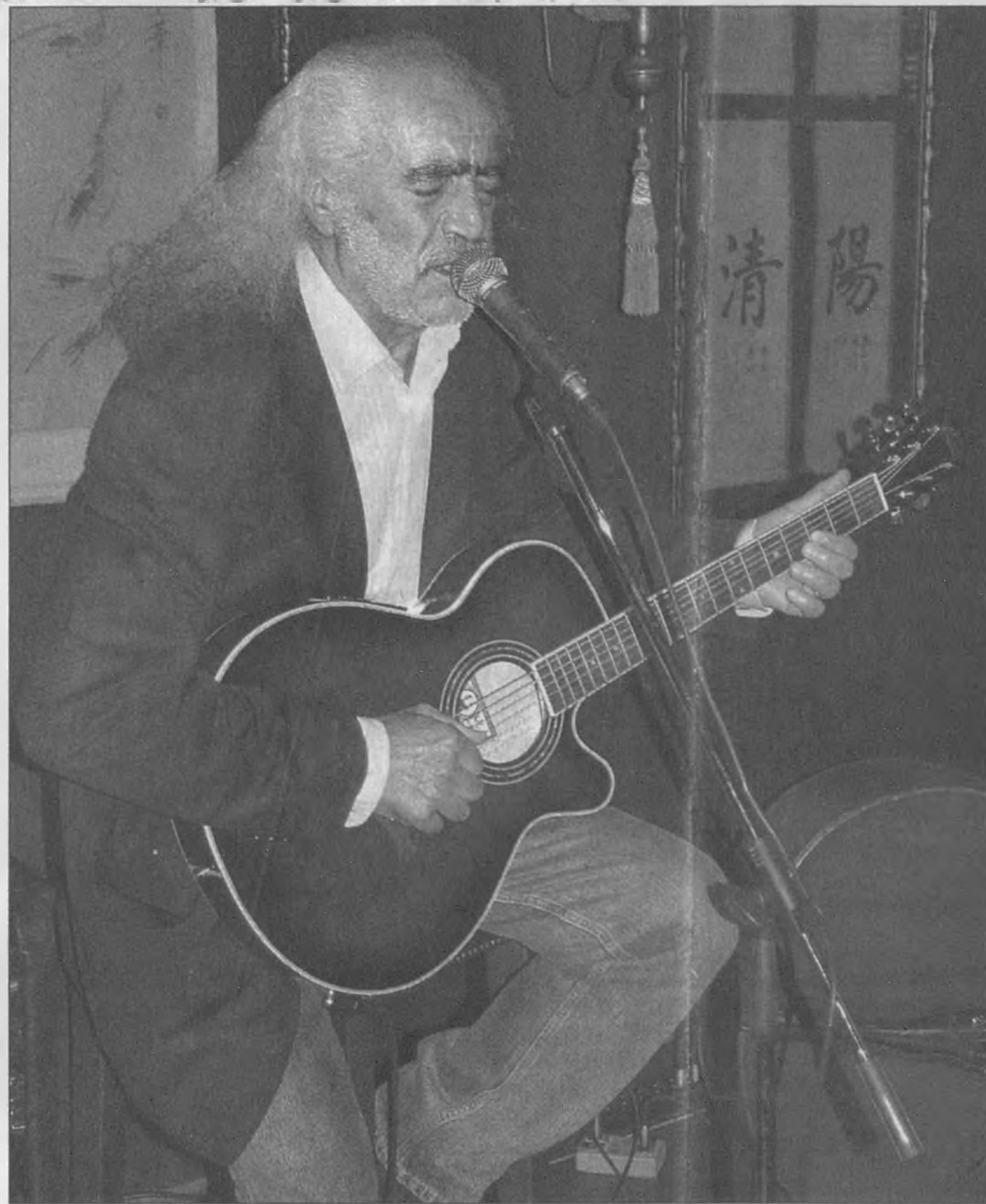
тать, знакомит с ним своих друзей, которых они встречают по пути. Проезжают они, в частности, и по грузинской дороге, останавливаются где-то в грузинском селении, их приглашают за стол. А мой друг знал, что я неплохо пою, и он хотел, чтобы, как он сказал, «талисманом твоя песня в моем фильме была». Я говорю: «Ты что, меня хочешь актером сделать?» Я ведь был обычным грузинским парнем, хулиганом, драчуном. И вдруг – кино. Для уличного парня это стыдно. Так оно сложилось в Грузии. И тогда он схитрил. Говорит: «Давай сделаем застолье, погуляем». Так и сделали, хорошо с друзьями поедать, говорю, это другое дело. А оказывается, они задумали, что в разгар веселья пригласят меня что-нибудь спеть за столом и тайком все это снимут. Так и сделали.

Я, конечно, ничего не знал. Когда пою, я вообще закрываю глаза. Но когда узнал, конечно, очень рассердился. Но Гаспаров меня упрямил: «Все уже снято. У меня столько метров пленки ушло. Я ведь начинающий, мне такого не простят. Как друга прошу – разреши все оставить». Так моя первая роль и сложилась. Но сейчас я благодарен Самвелу Гаспарову за то, что он тогда меня обманул. Потому что он меня показал публике с экрана, и впервые я зашел на экран – тоже в его фильме.

— Какая из ролей в кино стала для вас самой запоминающейся?

— Ну, например, «Солнце неспящих», за которую мне дали «Нику». Режиссер получил эту награду за сценарий, я – за мужскую роль. Три года съемки продолжались – как не запомнить.

— Что было для вас самым сложным на съемочной площадке?

— Всякое было. Но какие могут быть трудности для такого человека, как я! Скажем, я никогда не позволял своим трюки исполнять дублерам. Один раз чуть зубы не выбил. Это был фильм «Забудьте слово «смерть»». Эпизод такой: я отстреливался на скаку, а потом падал с лошади, разворотом стрелья еще в кого-то на крыше. Так вот, тридцать дублей заставил меня эта сволочь оператор делать! И тридцать раз я падал, пока себе все там не разбил. (Вполне

серьезно.) Если этот оператор мне еще встретится, точно морду набью... Но такие «трудности» меня не останавливали. Я ведь был спортсменом, боксером, был и первым хоккеистом Грузии.

— Никогда не думал, что в Грузии есть хоккей!

— Так я был, наверное, первым и последним хоккеистом наряду с ребятами из своей команды. Это был 1965 год, зимняя Спартакиада народов СССР, которая проходила в Свердловске. Если команду

республика не выставляла, ее наказывали большими штрафами. И тогда в Грузии создали сборную по хоккею. Я был в тбилисском «Динамо». Помню, когда тренировались, сам Озеров приезжал к нам, брал интервью. Ну а на самой Спартакиаде московская сборная у нас выиграла со счетом 30:0, но были и наши победы. А когда Спартакиада кончилась, нами перестали заниматься. Так что это была первая и последняя команда Грузии по хоккею.

— Хорошо, поговорили мы про кино, про хоккей, давайте теперь перейдем к музыке. Долгое время вы пели в относительно узком кругу, для друзей. Что сподвигло вас записать первый альбом, а затем вот, как мы видим, и второй?

— Пел я всегда для друзей, для своих. Никогда большей претензии у меня не было. А случилось так. У меня сын окончил консерваторию по классу контрабаса, играет замечательно и на гитаре, он известный в Грузии рок-музыкант. Артем Троицкий – его друг. И когда Артем приехал в Тбилиси три года назад, мы сидели как-то за столом, меня попросили, чтобы я спел. Я сыграл, спел. И смотрю – Артем и его супруга плачут. И сами удивляются: «Гуджа, как ты нас заставил плакать? А может, другим тоже понравятся твои песни? Давай приезжай в Москву. Мы тебя запишем». Так и сложилось. Записали. И оказалось, что это понравилось московскому слушателю.

— У вас весьма необычная манера исполнения...

— Наверное, из-за этого со мной никто из известных композиторов не хочет сотрудничать. Пою интуитивно, и бывает, душа требует, чтобы в какой-то песне вдруг я поменял во время исполнения мелодию, чтобы добавил какие-то слова, которых не было, сделал какие-то паузы. Я не знаю, отчего это происходит, никогда не задумывался.

— Как человек, умудренный опытом, можете рассказать нашим читателям какую-нибудь грузинскую притчу?

— Меня иногда приглашают на праздники к друзьям тамадой. И я всегда этот тост-притчу говорю. Бог создал землю и небо, создал рыб, птиц, животных, человека. И всем нужно было дать любовь. Приплывали рыбы, он им давал какую-то долю любви, прилетали птицы – им давал долю любви, всем понемногу, чтобы хватило на всех. И последними подошли Адам и Ева. А у Бога еще столько оставалось любви! И вот всю эту любовь Бог отдал людям. Потому, наверное, мы хотим каждую минуту, каждую секунду быть любимыми и любить.

Я сказал

Ольга Шатохина,
редактор
отдела культуры
газеты «Россия»

Культ силы

Недавно мне попалась на глаза совершенно замечательная информация. Наши соседи шведы, кои давно и традиционно лидируют по числу самоубийств на душу (ну, не душу, неуместно как-то, лучше сказать – единицу) населения, несмотря на такие суицидальные наклонности предпримчивости не утратили. И вот такой психотерапевтический бизнес они у себя наладили. Дабы потомок викингов, утративший в нашу психоаналитическую эпоху мужество предков, мог вновь обрести если не железную волю, то хотя бы простой вкус к жизни, его отправляют в тур в Санкт-Петербург... Уже смешно? Да нет, не все так просто, ибо местом обитания назначается не отель класса люкс, а обычная питерская коммуналка. Ага, с тараканами, облезлыми стенами и превращенным в общественный туалет для людей и кошек подвездом. И с соседями, естественно... Говорят, после такого экстрима желание лезть в петлю или прыгать с крыши бидинга пропадает всерьез и навсегда.

Первая мысль по прочтении – где такие туроператоры клиентов находят? Размещают рекламные объявления типа «Надоело жить – съезди в Питер» или входят в долю с психоаналитиками?

Но это-то, наверное, не важно. Извлечь из такой истории можно многое – от смеха над курьезом нашего времени до глубоких рассуждений о методах современной психотерапии. Однако за всеми рассуждениями неминуемо потеряется главное. В наше время утрачена способность радоваться просто жизни. Самому факту существования на земле под солншком. И, посмотрев на скандинавских соседей, понимаешь: действительно, материальное благополучие не панацея от черного искушения.

И вот тут становится совсем смешно. Поиски смысла жизни – а именно они отправили на тот

свет преждевременно преизрядное количество народу – есть заслуга господ писателей и иных творческих людей. Ведь сам по себе нормальный человек до таких поисков не додумается. А от них – один шаг до культа самоубийства. И на этой неблагоприятной ниве немало потрудились все те же творцы. Романтизм с Вертером и его страданиями... декаданс... герои рок-н-ролла. «Умереть молодым!» Красиво звучит – вот только у нас ни один туроператор пока не додумался до организации поездок в какую-нибудь африканскую вымирающую глушь. Можно и в нашу глубинку, только как бы хуже не стало... Мы же приучены мыслить глобально и страдать – тоже глобально. За всю страну переживать можно, а потому, что погода скверная и ботинки неудобные попались, – не прилично. Смыслом жизни мяться – тоже по-нашему. Приучили. Пора отвыкать. Для нас это слишком опасно.

Потому что мы живем не только на разломе Европы и Азии. Мы живем на разломе менталитетов. Один из них и второй по счету построен на западном культе успеха, что само по себе не так уж и плохо, лишь бы меру знать. Но второй – а на деле первый, древний, вьезшийся и в плоть, и в кровь, и в подсознание, – не восточный фатализм пополам с философией, а жутковатый культ неудачничества. Не смирения, нет – именно неудачничества. Смирение и благополучие – не антагонисты.

Хорошо быть богатым, здоровым и по всем статьям благополучным, кричат глянцевики, мурные журнальчики. Хорошо, подтверждает собственный здравый смысл. А тысячекратный монстр, коему нет названия, ворочается в глубинах подсознания и рычит: плохо! страдать надо!

Кому надо-то? Некогда страдать. Жить надо.